

Александра Девиль

Юная Мария, дочь Дмитрия Клинца и Анны Раменской, обманом увезена из родного дома, из Руси, раздираемой княжескими междоусобицами. Но и в других краях нет мира. Через Византию движутся на восток отряды рыцарей-крестоносцев. Один из этих рыцарей спасает Марию от ненавистных ей похитителей. Он так похож на героя ее снов, что она не смогла противиться и в первый же день знакомства стала его возлюбленной.

Но рыцарь вовсе не намерен связывать себя с юной славянкой узами брака. Что это — прихоть бездушного соблазнителя или груз прошлых ошибок?..

СУЖЕНЫЙ ЗАРКИ

Александра Девиль

СУЖЕНЫЙ ЗАРКИ

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

ISBN серии

ISBN 978-617-12-5600-2

9 786171 256002

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5428-2

9 786171 254282

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

Александра Девиль

СУЖЕНЫЙ ЯЯРНИ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
Д26

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайн обложки агентства «ТИМ+»

ISBN 978-617-12-5600-2 (серия)
ISBN 978-617-12-5428-2

- © Кравченко А. П., 2012, 2018
- © Depositphotos.com / DmitryPoch, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Глава первая

Девушка под присмотром

Апрель 1147 года был на исходе; солнце жарко пригревало, свежая зелень радовала глаз, в монастырском саду белой кипенью цвели вишни. День выдался таким пригожим, что Мария не утерпела, прошла от Феодоровского монастыря к обрывистому берегу Днепра, чтобы полюбоваться чудесным видом, открывавшимся с высоты. Речные острова широко раскинулись среди сияющей на солнце водной глади, правобережные кручи причудливыми террасами спускались к реке, а над ними царил храм Владимира Великого, воздвигнутый на месте некогда поверженного Перуна.

Но долго гулять по берегу девушка не могла: надо было возвращаться домой, чтобы родители не сердились. Они послали Марию в Феодоровский монастырь с поручением к иконописцу отцу Феофану, который был давним другом ее родителей — Дмитрия Клинца и Анны, урожденной боярышни Раменской.

По дороге домой девушка сделала небольшой круг, чтобы пройти мимо Софийских ворот, где надеялась встретить одну из своих подружек. Но ни Янки, ни Сбыславы поблизости не оказалось, зато на площади перед Софийскими воротами Мария увидела приметную компанию молодых иноземцев. По их расшитым хитонам и длинным плащам византийского покроя, а также по ровно подстриженным бородкам, обрамлявшим молодые смуглые лица, она догадалась, что эти заезжие молодцы — греки, а не латиняне, ибо у последних лица были бритые, а плащи — короткие.

Иноземцы оживленно переговаривались, поглядывая по сторонам. Главным среди них явно был тот, что стоял в центре, — не самый красивый и высокий, но державшийся с большим достоинством. Мария услышала, как кто-то из его свиты произнес имя «Андроник» — и сразу все поняла. Конечно, эти молодые люди прибыли на Русь, сопровождая своего предводителя — Андроника Комнина, двоюродного брата нынешнего императора Мануила. Девушка знала из рассказов старших, что этот самый Андроник, человек весьма самоуверенный, не поладил со своим царствующим родичем и уехал на чужбину искать удачи при других дворах. Еще говорили, что вряд ли он задержится на Руси, где жить опасно из-за княжеских распрей и где никакой выгоды для себя, никакой поддержки в притязаниях на византийский трон Андроник не найдет.

Молодые греки заметили Марию и уставились на нее с нахальными улыбками. Среди них двое или трое показались девушке очень красивыми и молодцеватыми. Их пристальные, откровенные взгляды смущали и волновали Марию, заставляя ее невольно краснеть. Потом один из красавцев выкрикнул несколько слов по-гречески. Другие засмеялись. Вряд ли они подозревали, что славянская девушка знает греческий язык. А между тем получившая немалое образование Мария хорошо поняла смысл сказанного византийским щеголем: он предположил, что тело юной незнакомки столь же прекрасно, как и ее лицо, да только слишком строгая одежда русов его полностью скрывает. А другой грек изъявил желание пощупать, насколько нежна белая кожа красавицы.

Тут уж Мария не смогла больше оставаться на месте; выкрикнув удивленным грекам, что считает их наглецами, она бросилась бежать прочь от опасной компании в сторону Улебова двора, где всегда можно было найти защиту. Впрочем, Мария не столько боялась греков, которые, конечно, не посмели бы напасть на нее прямо на улице, сколько злилась на саму себя. Она вдруг почувствовала, что мужские взгляды и дерзкие слова взволновали ее, заставили ощутить собствен-

ное тело, к которому столь откровенно потянулись эти красивые, образованные и, наверное, опытные в любви иноземцы.

Убегая, Мария едва не споткнулась, перехваченная за локоть чьей-то цепкой рукой. Вздрыгнув и подняв глаза от земли, она увидела жирное, красноватое лицо с мясистым носом, редкой бородкой и масляно блестящими глазами. Это лицо принадлежало пожилому мужчине с короткими ногами и большим животом, толщину которого не мог скрыть пышный греческий наряд. В первую секунду Мария подумала, что этот почтенный толстяк — тоже из свиты Андроника Комнина. Но тут старый грек заговорил, и девушка поняла, что ошиблась.

— Прости, юная госпожа, — сказал он на ломаном киевском наречии, — но я хочу предложить тебе свое сопровождение. Меня зовут Зоил Оксивант, я известный ромейский купец. Не бойся этих невеж из окружения Андроника. Хотя, возможно, тебе они нравятся?

— Можешь говорить по-гречески, господин, я училась в монастырской школе, — сухо ответила Мария. — А сопровождать меня не надо, мой дом недалеко.

— О! При такой красоте еще и ученость! — удивленно воскликнул Зоил Оксивант.

Из-за его спины показался невысокий поджарый человек лет сорока и с любезной улыбкой заметил:

— Еще бы дочери Дмитрия Клинца не быть образованной! На хорошем дереве — достойный плод. Приветствую тебя, госпожа.

— Ты счастливее меня, Хрисанф, — оглянулся старый грек на своего помощника. — Ты знаком с семьей этой славянской Афродиты, а я — нет.

— Я не знаком с этой уважаемой семьей, но наслышан...

Не желая продолжать разговор и принимать навязчивые услуги Зоила, Мария, резко дернувшись, высвободила локоть из его цепких пальцев и устремилась прочь. Застыв на месте, Оксивант провожал пристальным взглядом ее высокую тоненькую фигурку. Переходя через лужу, оставленную вчерашним

дождем, девушка невольно приподняла юбку, и старый грек заметил щиколотки ее стройных ног. Перед тем как свернуть за угол дома, Мария на секунду оглянулась. Ветер откинул волосы ей за плечи, обнажив лебединый изгиб нежной шеи.

— О мой Бог! — воскликнул Зоил, хватаясь за низ живота. — Хрисанф, это просто чудо! Я ощутил, как мои уснувшие чресла пробуждаются при одном взгляде на эту северную нимфу!

— Я же говорил тебе, что женщины русов весьма соблазнительны. Видишь? Здесь ты не только выгодно продал свой товар, но и, кажется, излечился от мужского бессилия. А еще не хотел ехать: дескать, холодно, опасно, дикая Скифия, кочевники, грызня между архонтами. Теперь не жалеешь? Даже искуснейшие куртизанки не смогли бы возбудить тебя лучше, чем эта невинная девица.

— О, Хрисанф, она совсем не так невинна, как выглядит! — воскликнул старый сластолюбец, закатывая глаза. — Ты заметил, как она смотрела на тех вертопрахов из компании Андроника? В ней много страсти, гораздо больше, чем кажется с виду. Она еще и сама не подозревает, какой обольстительной гетерой может быть! Страсть спит в ней, готовая каждую минуту пробудиться, нужно только прикосновение...

— Но беда в том, дорогой патрон, что пробуждаешь в ней страсть не ты, а молодые красавцы, — усмехнулся Хрисанф. — Впрочем, это неважно. Главное, что ты снова почувствовал себя мужчиной. Ты ведь этого хотел?

— О нет, Хрисанф, минутного ощущения мало, — воскликнул Зоил, хватая помощника за рукав. — Если я не добуду эту девушку, моя бедная плоть снова станет бессильной. И неважно, что красавицу возбуждают лишь молодые щеголи. Главное, что она способна возбудиться! Когда она отведаст твоего волшебного зелья, то я, старый Зоил, покажусь ей прекрасным Аполлоном! Ведь твои юнцы от этой травки становятся бешеными, эге? — Зоил осклабился и окинул своего спутника с ног до головы насмешливым взглядом.

— Неужели ты всерьез надумал сделать Марию, дочь Клинца, своей наложницей? — спросил Хрисанф без тени улыбки. — Пустая и опасная затея. Я много слышал об этой семье, когда жил в Херсонесе. Да и здесь, в Киеве, как-то раз наблюдал одну сцену, из которой сделал вывод, что с Клинцами лучше не ссориться. Такие девушки, как Мария, становятся женщинами только после венчания. А тому, кто попытается оскорбить ее девичью честь, не сносить головы.

Зоил поморщился от досады и, топнув ногой, воскликнул:

— Да я бы с радостью женился на ней, но что же мне делать, если я давно женат?

— Смирись, ищи себе другую девушку, более доступную, которая польстится на твое богатство. Здесь, на Руси, красавиц много.

— Мне нужна только эта, — упрямо заявил старый купец. — И я добуду ее любой ценой. Разведусь, заставлю свою каркающую ворону Ипполиту постричься в монахини... Увы, я даже готов отравить ее, если не согласится на развод..

— Побойся Бога, патрон, что ты задумал? — скрывая улыбку, спросил помощник. — Даже если избавишься от Ипполиты, это ничего тебе не даст. Клинец не станет принуждать дочку идти замуж против ее желания. А чем ты сможешь прельстить молодую красотку? Подумай трезво.

— А это уж твоя забота — подумать! — заявил хозяин. — Ты ученый малый, хитростью лису превзойдешь. Если бы не твой несчастный порок, был бы уже епископом, а то и митрополитом. Вот и подумай, как помочь своему благодетелю, то есть мне. Ведь я же тебя из беды выручил? Я тебе дал пристанище? Я твои грехи от людей скрываю?

Хрисанф кивнул, слегка поджав губы.

— Так вот, — продолжал Зоил, — отплати мне, дражайший, за мои благодеяния. Помоги обрести радость на закате жизни. Много ли мне, старику, осталось? Добудешь Марию — клянусь, что отпишу тебе в наследство мое фракийское

имение, да еще сотню номисм¹ в придачу. Не веришь? Сегодня же дам расписку. Ну а если не поможешь, то с какой стати я буду и дальше тебя опекать? Тогда живи, как знаешь. И письмо от таврийских монахов не стану прятать. А если его кто-нибудь найдет и узнает, чем ты в монастыре занимался? Может, конечно, в тюрьму ты и не попадешь, отвертишься. Но до конца дней своих останешься нищим презренным бродягой, да еще и с редькой в одном месте, хе-хе...

Зоил намекал на позорный способ наказания, коим византийцы карали уличенных в содомском грехе. Хрисанф невольно поморщился, но обижаться не стал, поскольку был уверен, что дальше угроз Оксивант не пойдет. Слишком ценным слугой был всезнающий и ловкий Хрисанф, чтобы Зоил так легко мог с ним расстаться.

Внезапно два всадника промчались мимо, едва не сбив с ног увлеченных беседой греков. Прижавшись к стене и перекрестившись, Зоил пробормотал:

— Опять, наверное, гонцы мчатся к великому князю с известием, что его дядя или двоюродный брат захватили какой-нибудь город. Здесь каждый день можно ожидать войны. — Он вздохнул. — Впрочем, и в империи смутьянов хватает... вроде этого. — Зоил с неприязнью посмотрел в сторону площади, где все еще мелькали пышные одеяния Андроника и его свиты. — Но только у нас, хвала Господу, им не разгуляться. Империя пока едина. Лишь извне враги тревожат. А здесь, на Руси, князьки между собой переругались, растаскивают эту страну на части. Ну, скажи, Хрисанф, — Зоил повернулся к помощнику, — разве юной девушке не будет безопасней у нас, чем в этой дикой и сумасшедшей стране?

— Вряд ли такой довод убедит Марию и ее родителей, — усмехнулся Хрисанф. — Русичи ведь не считают свою родину такой ужасной. Они, видишь ли, почти все от рождения патриоты. Трудно будет увезти отсюда девушку. Однако я по-

¹ Номисма — византийская золотая монета.

думаю, как это сделать. Не надейся на быстрый успех, но месяца через два, пожалуй... если все пойдет, как надо...

Заметив, что двое молодых людей из свиты Андроника направляются в их сторону, и подозревая, что общения с купцом они ищут с целью попросить денег взаймы, Зоил и Хрисанф поспешили свернуть за угол и постучать в дверь дома, где жил знакомый им княжеский тиун.

Тем временем Мария, возвращаясь домой, почти столкнулась на улице с молодым парнем по имени Рагуйло, сыном искусного киевского ювелира-эмальера Василька. Она знала парня с детства, почти так же давно, как и подружек Янку и Сбыславу. Мария никогда не смотрела на Рагуйла как на возможного жениха, подшучивая то над его именем, то над торчащими ушами, которые он старательно прикрывал копной темно-рыжих волос. Между тем подруги давно объяснили девушке, что он по ней «сохнет» и старается отогнать от нее всех возможных женихов. Но она только смеялась и не хотела замечать, что Рагуйло давно уже превратился в статного парня — пусть не слишком красивого и образованного, зато надежного и к тому же хорошего мастера, перенявшего от своего отца умение изготавливать затейливые колты, ожерелья и прочие украшения из золота с эмалью.

— Куда спешишь, Марийка? — остановил ее Рагуйло, преграждая путь.

— Куда же, как не домой? — улыбнулась она в ответ. — Родители велели к обеду не опаздывать. Сегодня мы ожидаем гостей из Новгорода.

— Кого? Должно быть, Шумилу-Калистрата? Твоя мать еще месяц назад заказала для его жены подарок — колты с эмалью. Сегодня они уже готовы.

— Матушка хочет сделать своей подруге приятное. Только вряд ли даже самый лучший подарок утешит Лидию, — вздохнула Мария.

— А что так? У новгородцев какое-то горе?

— Давнее. Такое же, как и в вашей семье. У них тоже когда-то украли сына. Только у твоих родителей остался еще ты и Воротислав, а у Калистрата и Лидии больше нет сыновей. Старший на войне погиб, а младший вот так и не отыскался...

— Да, горе... Матушка до сих пор иногда всплакнет, как вспомнит нашего Лазаря. А отец часто жертвует деньги на поминку злодеев, которые людьми торгуют и детей крадут.

Они немного помолчали, потоптались на месте.

— Ну, ладно, все равно ведь надо надеяться на лучшее, Бог милостив. — Мария грустно улыбнулась. — Красивые получились колты для Лидии?

— Да. И твой перстенок тоже хорош. — Рагуйло преданно посмотрел на девушку своими круглыми голубыми глазами.

— Перстенок? — удивилась Мария. — А разве я его заказывала?

Парень немного обиженным голосом произнес:

— А разве я не могу по собственному разумению сделать тебе подарок?

— Подарки, да еще дорогие, просто так не делаются, — укоризненно сказала Мария. — Ни праздника, ни повода никакого нет, а ты вдруг надумал. С чего бы это?

— А мне и повод не нужен. — Рагуйло слегка покраснел, и веснушки на его лице выступили ярче. — Вот наденешь ты на палец мое колечко — и мне будет казаться, что мы с тобой обручились.

— Дурачок ты, ей-богу, Рагулишка, — засмеялась Мария, шлепнув его ладонью по плечу. — Ведь я с тобой, как с Янкой и Сбыславой, дружила, а ты вдруг жениться вздумал.

— Так ведь мы уже не дети, чтоб в игрушки-то играть, — обиделся Рагуйло. — Конечно, понимаю, что в женихи тебе я не гожусь. Хотя и благородным ремеслом занимаюсь, а все-таки — простолюдин, не пара дочери купца-боярина.

— Значит, дважды ты дурачок, Рагуша, — укорила его девушка. — Отец у меня сам из простого сословия вышел. А ма-

ма, хоть и боярская дочь, никогда спесивой не была. В нашей семье людей ценят не по знатности рода, а по уму и честности.

— Отчего же тогда ты меня высмеиваешь? Отчего даже подумать обо мне не хочешь как о суженом своем?

В словах парня прозвучала искренняя обида, и Мария, невольно пожалев его, сказала:

— Да ты-то ведь тут ни при чем. Я не только о тебе, но и о прочих женихах не думаю, не мечтаю. Не проснулось еще мое сердце. Ты бы лучше на других девушек смотрел, на тех, которые рады выйти замуж. Вот хотя бы Янку возьми. Помоему, ты ей нравишься.

— Нет, Марийка, не учи меня. — Рагуйло покачал головой. — Лучше я подожду, когда твое сердце проснется.

— Ну и напрасно. А теперь посторонись, я спешу.

Она кинулась прочь, не желая выслушивать утомительные для нее излияния незадачливого вздыхателя. Но, отойдя на несколько шагов, Марийка невольно призадумалась. Конечно, она лукавила, объясняя Рагуйло, что не помышляет о женихах. В последнее время именно эти мысли волновали ее неотступно. Она жила в странном ожидании волшебного поворота судьбы, внезапной встречи, которая пробудит ее сердце.

Марийка была младшим, поздним ребенком, любимым последышем, родившимся, когда матери было уже тридцать пять лет, а отцу — сорок два. Ее баловали не только родители, но и старшие дети: братья Константин и Андрей и сестра Ольга. Но вместе с любовью и снисходительностью они окружили девочку слишком пристальным, слишком неусыпным вниманием. Пока Марийка была ребенком, эта опека ей даже нравилась, но теперь все больше начинала тяготить. Каждый шаг девушки был замечаем; ее успехи, таланты, подруги подробно обсуждались в семье, а поздние возвращения или одинокие прогулки неизменно вызывали упреки, а иногда и слезы матери. Анна Раменская, помня свою полусиротскую юность, старалась отдавать детям как можно больше любви и тепла, не замечая, что для младшей дочери материнская забота порой

становится чем-то вроде нежных оков. Константин и Ольга, хоть давно уже имели семьи и своих детей, тоже не упускали случая поучить младшую сестренку. Что же касается двадцатичетырехлетнего Андрея, который покуда был холост и к тому же отличался строгим нравом, то он вообще считал своим долгом следить за благочестием Марии, ограждая ее от случайных знакомств и опрометчивых поступков. Эта жизнь на виду у домашних, под их заботливым надзором, не позволяла Марии иметь свои сердечные тайны и сблизиться с кем-то посторонним, незнакомым ее семье.

В последнее время Мария стала бунтовать против постоянной опеки, пользуясь любой возможностью надолго отлучиться из дома, побыть наедине с собой, увидеть новых людей. Некоторую поддержку юная своевольница получила от отца. Дмитрий убеждал жену, что молоденькой девушке тоже нужна свобода, что Мария имеет право на свои суждения и маленькие тайны, а также на выбор друзей. Анна, вздохнув, с улыбкой заметила, что в дочери уже начала сказываться неумная натура отца. Бывшая боярышня Раменская была не против того, чтобы дочь сама выбирала свою судьбу, но ее пугало возможное столкновение Марийки с окружающим миром, который с каждым годом становился все более жесток и ненадежен. Когда после смерти Мстислава Владимировича, старшего сына Мономаха, княжеские усобицы стали терзать Русь, киевляне забыли, что такое жизнь в относительном спокойствии.

Властолюбивому Андрею отец запретил командовать Марийкой, объяснив, что хороший брат должен защищать, а не притеснять младшую сестру. Впрочем, несмотря на этот запрет, Марийка и Андрей частенько ссорились друг с другом. Если бы они постоянно жили в одном доме, то, вероятно, ей бы туго пришлось. Но Андрей, не пожелавший, подобно отцу и старшему брату, стать купцом, состоял в княжеской дружине, а потому часто отлучался из дому по делам службы.

Мечтательная и страстная натура Марии давно уже рвалась к чему-то неведомому. Окружающие, замечая странные

перепады настроения девушки, говорили, что ей пора замуж. Но сама Мария так не считала. Во всяком случае, среди знакомых ей парней не было ни одного, при взгляде на которого сердце бы ее затрепетало: вот он, мой суженый. Многие ровесницы Марии, в том числе подруга Сбыслава, уже вышли замуж. Янка тоже готова была выйти, особенно за Рагуйла, если бы он предложил. А Мария, которой в сентябре должно было сравняться восемнадцать, еще ни разу по-настоящему не целовалась с парнями, а только в шутку, во время праздничных игрищ. Иногда девушка с некоторой досадой чувствовала свою необычность, непохожесть на других. Будь она как все — давно бы, вероятно, вышла замуж и познала бы те радости, о которых так любят шептаться девушки и женщины. Но ей мало казалось простого замужества. Перед глазами Марии был пример необыкновенной любви ее родителей. И еще она знала греческую поэму об Одиссее и Пенелопе, и сказание о Дигенисе Акрите, и киевскую былинку о Василисе Никулишне и Ставре Годиновиче. Ей хотелось, чтобы в ее жизни тоже все случилось столь же красиво и необыденно, чтобы и ее судьбу озарил свет великой любви. Но, оглядываясь вокруг, она не видела своего героя, не могла угадать его ни в ком.

А между тем и сердцем, и телом Мария уже созрела для любви. И сегодня, встретив раздевающие взгляды ромейских красавцев, она впервые наяву ощутила смутное волнение плоти, непонятное разуму, а потому пугающее. Это напомнило ей один недавний сон, рассказать о котором девушка не решилась бы даже на самой тайной исповеди. В том жарком сне к ней являлся незнакомец, прекрасный и сильный, как бог; он сжимал ее в объятиях и прикасался своими властными губами к ее дрожащим губам. Проснувшись, она не могла вспомнить лица этого незнакомца и долго металась, стараясь еще раз заснуть, чтобы снова пережить восхитительные минуты. Но больше дивный сон не повторялся...

Вздохнув, Мария медленно подошла к воротам своего двора. Она не знала, как скрыть от домочадцев то лихорадочное

волнение, что сжигало ее изнутри, заставляя желать чего-то несбыточного. Мысленно она попросила Господа просветить ее смятенную душу.

Дом, отстроенный на месте некогда сгоревших хором боярина Раменского, имел в Киеве добрую славу. Здесь всегда могли найти вспоможение нищие, калеки и богомольцы; в то же время хозяева не потакали бездельникам-попрошайкам и смутьянам, сеявшим в народе озлобление, призывы к резне и погромам. Дмитрий, Анна, их дети и челядь сами подавали пример трудолюбия и честности, но и от других требовали того же. А любовь и согласие, царившие в этом доме, вошли у соседей в поговорку. Даже сейчас, в трудные, неспокойные времена, дом Клинцов выглядел островком мира и постоянства среди беспрестанных волнений и смут. Мария боготворила своих родителей. Ей всегда казалось, что ее будущий муж если не внешностью, то уж смелостью, умом и характером непременно должен напоминать ее отца. Сама же она хотела быть похожей на мать, — однако чем дальше, тем больше понимала, что ее мятущейся душе недостает той гармонии и рассудительности, которыми отличалась Анна. Может быть, примесь кочевой крови делала Марию более страстной, более необузданной, чем мать, и девушка иногда с тревогой это сознавала.

Прежде чем войти в дом, Мария вытащила из-за пояса зеркальце и украдкой посмотрелась в него. Она знала, что красива, но любила лишний раз в этом убедиться. Похожая одновременно и на отца, и на мать, она во внешности своей смешала оттенки их красоты. Ее русые волосы были немного темней материнских, а карие глаза — чуть светлей отцовских угольно-черных глаз. Кожа Марии, не столь белая, как у Анны, отличалась приятным золотистым оттенком, а в чертах лица соединялись нежность и зной. Девушка снова понравилась сама себе и снова мысленно укорила себя за тщеславие: ведь чем больше она убеждалась в своей прелести, тем требовательней становилось ее своенравное сердце.

Глава вторая

Гости из Новгорода

Когда Мария вошла в дом, обед уже начался. За столом сидела вся семья Клинцов и гости из Новгорода. Отсутствовал только Андрей, который в этот день исполнял поручения княжеской службы. Константин был со своей женой Евдокией и двумя детьми: девятилетним Владимирком и пятилетней Ксенией, Ольга — с мужем Фотием и четырехлетним сыном Славятой. Гости — Шумило-Калистрат и Лидия — сидели рядом с Дмитрием и Анной.

На вошедшую Марию сразу все подняли глаза, и она остановилась у порога, не решаясь подойти к столу.

— Явилась наконец, — с упреком сказала ей мать. — Мы тебя на несколько минут посылали с поручением, а ты, небось, полгорода исходила.

— Тебе ведь сказано было, Мария, что мы ждем гостей, — строго заметил отец.

Тут за девушку вступилась Лидия:

— Да полно вам дочку-то укорять. Она же не знала, что мы так рано приедем.

Мария с благодарностью улыбнулась и, вспомнив правила вежливости, учтиво поприветствовала гостей. Лидия, встав, поцеловала девушку, взяла ее за плечи и внимательно рассмотрела, а потом тихо сказала:

— Красавица. Не хуже, чем ты, Аннушка, в молодости была. Дай Бог ей такого же суженого, как дал тебе.

— Что верно, то верно, — вздохнула Анна. — И я того желаю. Красота без счастья радости не приносит.

— Красавица, — подтвердил Шумило-Калистрат. — Наша Ульяница тоже вот хороша, а счастья не узнала...

Мария невольно бросила взгляд на свою сестру Ольгу и заметила, что та, побледнев, опустила глаза долу. В судьбах Ольги и Ульяницы, дочери новгородских гостей, было некоторое сходство. Они обе потеряли до свадьбы своих любимых женихов. Только Ольга впоследствии вышла замуж, а Ульяница не захотела, стала монахиней.

Сидя за столом и помалкивая, как положено младшей, Мария незаметно разглядывала гостей. Она помнила, что в молодости Калистрат был белокурым, а Лидия — темноволосой, но теперь седина почти уравнила цвет их волос. Мария невольно отметила, что ее мать и отец, хоть и были одного возраста с новгородцами, поседели гораздо меньше, да и выглядят, пожалуй, моложе. Может быть, это потому, что Бог уберег их от той беды, которая постигла Лидию и Калистрата.

От родителей девушка знала эту печальную историю. Когда-то, лет двадцать тому назад, когда самой Марии еще не было на свете, в Новгороде случился страшный голод. От жестоких морозов вымерзли озими, а запасов хлеба в городских закромах не оказалось. Горсть зерна стоила огромных денег. Народ питался березовой корой, мхом, лошадиным мясом. Люди умирали прямо на улицах. Тогда многие бедняки отдавали своих детей в рабство иноземцам, лишь бы не видеть, как дитя умирает голодной смертью. Но нашлись и такие, что воровали и продавали чужих детей, а сами потом скрывались. Один из этих воров украл четырехлетнего Ивана, сына Лидии и Калистрата. Охваченные тревогой родители, не зная, что случилось с их младшеньким, искали его по всему городу и окрестностям, пока наконец какой-то бродяга не сообщил им, что видел похожего по описанию мальчика в руках известного вора и лиходея по имени Барило. Этот вор похвалялся, что продаст мальчишку за хорошие деньги какому-то немецкому купцу, промышлявшему работорговлей. После долгих поисков и погони за Барилом последний был найден в лесу с перерезанным

горлом. Родители так и не дознались, кому и куда был продан их сын, да и жив ли он вообще. Через год после голодного бедствия Новгород снова поднялся, опять расцвела торговля, суда ходили в Готландию и Данию, войска успешно отражали неприятельские набеги. Жизнь вернулась в город, но только Лидия и Калистрат этого не замечали.

А через десять лет навалилось еще горе: в бою погиб их старший сын Ростислав, а вместе с ним — жених Ульяницы Никита.

Мария видела новгородских друзей уже дважды. Первый раз — когда в доме Клинцов собрались все три друга молодости, коих жизнь разбросала по разным местам. Из Новгорода приехали Калистрат и Лидия, а из Царьграда — Никифор и Кассия. Случилось это еще в правление великого князя Ярополка, третьего сына Мономаха. Марии тогда было лет семь, и она не слишком понимала смысл взрослых разговоров. Ей только запомнилось, что в это время заболел, поранившись ржавым гвоздем, Андрей, и царьградская гостья Кассия, сведущая в искусстве врачевания, его вылечила. А потом все вспоминали, как когда-то Кассия помогала одному восточному мудрецу спасти раненного отравленным ножом Дмитрия.

Во второй раз Мария видела новгородцев, уже находясь не в столь юном возрасте, а потому хорошо запомнила как их самих, так и прославленный богатством и вольностью город. Она ездила в Новгород вместе с родителями, а также братом Андреем и сестрой Ольгой, которая незадолго до этого обвенчалась с Фотием. Тогда двенадцатилетняя Мария была захвачена величавой красотой северной природы и могучих, крепких храмов, не столь нарядных, как киевские, но исполненных красотой силы. В памяти ее осталась огненная киноварь новгородских икон, звон вечеревого колокола, пятиглавая София на высоком берегу и похожий на былинного богатыря Георгиевский собор на подступах к городу.

Мария не могла точно выразить словами свое впечатление от Новгорода и его жителей, но в ее памяти остался некий

обобщенный образ новгородца — свободного удальца, умеющего дать отпор врагам, простого, но деловитого и смекалистого. Ей понравился сам дух вольного города, в котором сходились торговые пути Запада и Востока.

Вспомнив свою поездку в Новгород, Мария вдруг забыла предписанные молодой девице правила скромности и без всякого подхода вмешалась в разговор старших:

— А вот я слышала, что у вас в Ильмень-озере появилась рыба с золотыми перьями. Неужели правда?

— Может, и правда, — улыбнулась Лидия. — А ты, Маша, приезжай к нам, сама посмотри. Вдруг и увидишь золотую рыбу?

Марии нравилось это северное сокращение имен: Маша, Наташа, Ванюша. Лидия, хоть и была родом из Корсуни, но за тридцать три года жизни в Новгороде полностью усвоила тамошнее наречие.

— Да я бы приехала к вам, — вздохнула Мария, — но ведь родители не отпустят. Говорят, беспокойные нынче времена, путешествовать опасно.

— Опасно, если в одиночку, — сказал Шумило. — Но мы ведь с большим обозом будем возвращаться. Сейчас в Киеве много наших новгородцев.

Мария вспомнила, что видела скопление повозок возле церкви Святого Михаила на Подоле, где всегда останавливались новгородские купцы, и с уважением спросила:

— А вы приехали в Киев по торговым делам?

Лидия, вздохнув, ответила:

— Не столько дела нас послали в дорогу, Машенька, сколько последняя наша надежда. Прослышали мы с Калистратом, что под Киевом появилась редкая ворожея. Судьбу предсказывает и узнает правду о пропавших людях, потрогав только одну их вещицу.

— Да, я о ней слышала, — кивнула Мария. — Только она, говорят, страшная и злая. В лесу живет, от людей прячется, а ночью вроде бы в сову превращается. И ворожит она не каждому. Вот Рагуило, сын Василька-златаря, рассказывал, что

его родители пытались у ворожки правду узнать о пропавшем сыне, так она их и слушать не стала, в лесу скрылась. У Василька когда-то тоже сына украли, — пояснила девушка. — Говорят, не то немец, не то лях ночью увез его и еще двух мальчиков куда-то за Дорогожичи. А может, к половцам. Так с тех пор их и не видели. Наверное, где-нибудь в рабстве.

— Как и наш Ванюша, — горестно прошептала Лидия.

— Не могу я нашего сына представить рабом, — хмуро заметил Калистрат. — Для русича, а особенно новгородца, лучше смерть, чем позорное рабство.

— Нет, не говори так! — вскрикнула Лидия. — Из рабства человека можно выкупить, а с того света не вернешь... вот как Ростислава...

— Ну, ладно, полно тебе сердце надрывать, Лидуша, — вздохнул Калистрат. — Может, завтра ворожка нам правду-то и расскажет. А этот... как бишь его... Рагуйло не поможет ли нам ее найти? Ему доверять-то можно?

Тут с порога раздался суровый голос Андрея:

— Рагуйло — славный парень, я с ним дружу. И лучшего жениха для Марийки я бы не желал. Да только она все над ним подсмеивается. Прост он, видите ли, для нее. А на царьградских щеголей глазает, будто околдованная. Да еще и бесстыдные разговоры с ними ведет.

Младший брат подошел к столу, поклонился гостям и сел напротив Марии, которая после его резких слов покраснела до корней волос.

— Что за царьградские щеголи? — настороженно спросила Анна.

— Да не слушайте вы этого наговорщика! — в сердцах воскликнула Мария. — Просто я шла мимо Софийских ворот и видела мельком каких-то греков. Но, как только они стали со мной заговаривать, я тут же убежала прочь. А ты, Андрей, веришь всяким наветам и бабьим сплетням. Брат называется!

— Ну, хватит вам ссориться! — сурово прикрикнул Дмитрий на детей.

— А они прямо как наш князь Изяслав с Юрием Суздальским, — добродушно усмехнулся Константин.

— Ой, не шути, сынок, над княжескими распрями, — вздохнула Анна. — От этой вражды русичи еще много горестей хлебнут.

— Да. Настали времена, когда храбрецы умирают за князей, а не за отечество, — заметил Дмитрий. — Если бы встал Мономах, то не порадовался бы на своих наследников. Один только старший сын его, Мстислав, умел достойно править. А уж после него не стало на Руси покоя.

— Все потому, что Ольговичи и Давидовичи вмешались! — с горячностью воскликнул Андрей. — Эти черниговские и тмутараканские князьки всегда готовы были навести на Русь поганых, лишь бы киевский престол захватить!

— Не в Ольговичах дело. — Дмитрий жестом велел сыну замолчать. — Не они, так другие начнут сеять смуту. Пока князья не поймут, что выбирать надо достойнейшего, а выбравши, повиноваться ему, — все так и будет, как нынче.

— Но нынешний-то наш князь Изяслав Мстиславич достойней других, — заметила Анна и вопросительно посмотрела на мужа.

— Да, верно, — подтвердил Дмитрий, и глаза его потеплели, как всегда, когда он обращался к жене. — Недаром назвал его отец Феофан «благословенной отраслью доброго корня». Но Изяславу трудно удержаться на престоле. С одной стороны Ольговичи, а с другой — дядя его Юрий Суздальский, который все твердит, что по древнему уставу имеет больше прав на киевский трон, потому что он сын Мономаха, а Изяслав — только внук. Наверное, следовало бы Изяславу просить другого своего дядю, Вячеслава Владимировича, чтоб он его усыновил. Тогда бы они правили вместе и Юрий не мог бы обвинить великого князя в нарушении устава.

— Этот Юрий-князь, видно, хочет иметь очень длинные руки, — недовольно прогудел Калистрат. — Ему Суздальской

и Владимирской земли мало, подавай еще и Киев, и Новгород. Мы, новгородцы, вот только-только от него отбились. Пусть он правит в своих краях, просвещает там диких нехристей. А мы, новгородские граждане, в его власти не нуждаемся. Мы и своих-то князей теперь заставляем на вече ответ держать, ежели нерадиво служат городу. А уж чужих нам и вовсе не надобно.

Мария не удержалась от вопроса:

— Наверное, страшно было ехать в Киев сразу после битвы с суздальцами? Должно быть, на дорогах беспокойно?

— Но ты же знаешь, Марья Дмитриевна, что купцам нельзя бояться дороги, — чуть улынулся Калистрат. — Да к тому же Юрий Суздальский после похода сразу отправился в свои края, на восток.

— Он, говорят, сейчас со своим союзником пирует, со Святославом Ольговичем, — добавила Лидия. — И не в Суздале, а в новом городе, названном Москов.

Тут в разговор вмешался Фотий, муж Ольги. Он обладал на редкость громким голосом, что казалось удивительным при его далеко не богатырском сложении.

— Святослав Ольгович еще много смуты нам принесет, — провозгласил Фотий, радуясь случаю привлечь к себе внимание. — Он ведь не может забыть, что киевляне бросили в поруб его любимого брата Игоря, который за один-то месяц княжения весь народ против себя восстановил. Дядя Улеб опасается, как бы Святослав не вступил в тайный сговор с двоюродными своими братьями, с Давидовичами. С виду-то они вроде как недруги между собой, а на самом деле разом строят козни, чтобы князя Изяслава свергнуть. А уж как они ненавидят моего дядю за ум его, за то, что князю Изяславу верные советы дает. Но дядя Улеб от великого князя никогда не отступится, ни при какой опасности. И я тоже, Богом клянусь.

Фотий посмотрел на тестя, явно ища одобрения. Но Дмитрий сдержанно промолчал, зато Андрей и Константин дружно

поддержали своего зятя. Мария понимала, в чем тут дело. Тысяцкий Улеб, дядя Фотия, год назад помог Изяславу, внуку Мономахову, занять киевский престол, свергнув нелюбимого киевлянами Игоря Ольговича, отпрыска черниговских князей, известных сеятелей междоусобной смуты. За эту помощь Улебу был благодарен и сам князь, и все, кто поддерживал Изяслава, в том числе семья Клинцов. Фотий не отличался особой смелостью и умом, но был верным помощником своего дяди и добропорядочным человеком, а потому снискал уважение Андрея и Константина, считавших своим долгом всячески поддерживать зятя — тем более что Ольга не очень-то его любила, и это казалось им несправедливым.

Мария бросила быстрый взгляд на отца. Конечно, Дмитрий понимал, что нет причин недолюбливать зятя, но, вероятно, не мог заставить себя проникнуться к Фотию особой симпатией. Уж слишком обидно было ему за старшую дочь, которую самовлюбленный Фотий так и не смог сделать счастливой.

Мария заметила, что зять снова набрал в грудь воздуха, чтобы разразиться новой речью, полной гордости за себя и своего мудрого дядю. И тогда, желая ему помешать, она быстро спросила у Лидии:

— А что это за город Москов, где Юрий с Ольговичем пирует?

Новгородская гостя принялась неторопливо рассказывать:

— Знающие люди говорили, что дело было так. Возвращался князь Юрий из Киева во Владимир и остановился отдохнуть на берегу реки, которая называется Москвой. А на той реке стояли богатые села боярина Степана Ивановича Кучки. Боярин почета князю не оказал. А Юрий, должно быть, не в духе находился после неудачного похода на Киев. И велел он казнить боярина за дерзость. Понравились Суздальцу тамошние красивые места, и он велел начинать там строительство города. А у казненного боярина дети остались — два

сына и дочь-красавица по имени Улита. Князь, поостыв, решил взять сыновей Кучки к себе на службу, а Улиту выдал за муж за своего старшего сына Андрея.

— Бедная девушка! — невольно вырвалось у Марии. — Каково ей выйти за сына убийцы своего отца? И ведь князь Андрей Юрьевич, наверное, уже немолод?

— Тридцать шесть лет ему, — подтвердила Анна. — Он родился, когда еще моя тетушка была жива. В Билгородский монастырь всегда приходили известия о рождении и смерти князей.

— От такого брачного союза не видать Андрею Юрьевичу счастья, — заметила Евдокия, жена Константина. — Ни Улита, ни ее братья не простят крови своего отца.

— Да кто знает, неисповедимы пути Господни, — вздохнула Ольга. — Князь Владимир Святой тоже силой взял Рогнеду, когда убил ее отца и братьев. И, однако же, наверное, она его полюбила, да еще родила ему такого великого сына, как Ярослав.

— Но ведь князь Владимир, когда брал Рогнеду, был еще язычником, — возразила Евдокия. — А христианину подобного злодейства нельзя простить. И полюбить такого человека невозможно.

Ольга опустила глаза и промолчала. Как показалось Марии, сестра подумала о том, что даже и благочестивого человека иногда невозможно полюбить, сколь ни старайся.

Евдокия, жена Константина, была пухленькой, белокожей, хозяйственной и расторопной. Она как нельзя лучше подходила добродушному, деловитому и очень набожному Константину. Они и жили в согласии. Правда, глядя на них, Мария всегда думала о том, что такие размеренно-спокойные отношения трудно назвать любовью. В ее представлении любовь была волшебным вихрем, золотым дождем, неугасимым пламенем. Но старший брат был доволен своей семейной жизнью, чего нельзя было сказать об Ольге. Что же касается Андрея, то он, суровый княжеский гридень,

не спешил обзаводиться семьей, считая, что на воинской службе можно отличиться, лишь пока молод и свободен. Впрочем, в отношении женского пола Андрей вовсе не был монахом и скромником. Когда слухи о его любовных похождениях доходили до родительского дома, Мария с удовольствием принималась высмеивать брата, порядком надоевшего ей своим строгим надзором.

После обеда и беседы хозяева вместе с гостями отправились на вечернюю службу в церковь Дмитрия Солунского при Михайловском монастыре. Для семьи Клинцов это был особый храм. И не только потому, что мозаичная икона Дмитрия Солунского чем-то напоминала Дмитрия Клинца. С именем этого святого были связаны смертельно опасные, но счастливо окончившиеся приключения, которые Дмитрию, Калистрату и Никифору довелось пережить в славном городе Солуни. Когда Мария, еще в детстве, впервые услышала рассказ о тех давних событиях, то взволнованно спросила: «Неужто нельзя было уберечься от таких страшных напастей?» И отец с ласковой улыбкой ответил: «А может быть, дочка, без этих напастей не было бы и счастья. Наверное, мир так устроен, что за счастье надо платить и бороться». И Анна, взглянув на Дмитрия, кивнула и улыбнулась.

Истина о том, что за счастье надо платить, что путь к нему лежит через страдания и борьбу, надолго запала в юную душу Марии.

На вечерне девушка незаметно посматривала по сторонам. Ей почему-то очень хотелось еще раз увидеть тех красивых греков, что смутили ее сегодня своими взглядами и разговорами. Но их здесь не было. Скорей всего, они ходили на службу в Софийский собор или в церковь Георгия Победоносца. Зато, оглянувшись, Мария с некоторой досадой натолкнулась на преданные голубые глаза Рагуйла. Неподалеку от молодого эмалиера топталась Янка — подруга детства, которую Мария старалась незаметно свести с Рагуйлом.

После службы Дмитрий и Анна договорились с Васильком и его сыном, что на завтра те покажут новгородским гостям жилище старой ворожеи. Мария, любившая все новое и таинственное, просилась тоже пойти в лес и посмотреть на колдунью, но родители строго-настрого запретили ей даже думать об этом.

Впрочем, поддерживая надежду в душах новгородских друзей, Анна и Дмитрий с грустью сознавали тщетность этой надежды. Ребенок, который был для родителей единственным и незаменимым, давно уже затерялся среди множества тех маленьких и взрослых русичей, что становятся невольниками в чужих краях. Толпами уводят их в плен половцы и другие кочевники, а иногда и сами русские князья во время своих бесконечных усобиц. Найти пленников очень сложно: слишком обширны просторы работорговли. Рынки Кафы, Константинополя, Праги, Багдада и Александрии славятся живым товаром из Руси. Юные и красивые девушки попадают в гаремы восточных владык, женщины постарше — в ткацкие мастерские, мужчины — на галеры и каторжные работы; из мальчиков выращивают солдат для султанского войска или гаремных сторожей. Коротка жизнь раба; но даже те, кто доживает до зрелого возраста, почти всегда теряют свое имя и память о родных корнях — особенно если были увезены на чужбину в детстве. Когда-то маленького Андрея тоже едва не украли кочевые разбойники; Анна с Дмитрием хорошо помнили пережитый ужас и всей душой сострадали своим новгородским друзьям.

...Скоро день склонился к закату, в доме зажгли свечи. Ольга, вздохнув, ушла из родительского дома в мужний. Фотий шагал за ней следом, как страж. Константин и Евдокия, уложив детей, отправились на свою половину.

Мария обычно легко засыпала с вечера, но в этот раз сон к ней не шел. Промаявшись чуть ли не до полуночи, она тихо вышла из горенки, решив спуститься в сени и там поискать в кладовой молока и меда, от которых будто бы сон

улучшается. Но, проходя мимо крытой галереи второго этажа, она услышала тихие голоса матери и новгородской гостьи и невольно приостановилась, уловив в разговоре свое имя.

— Да, Маруся у нас красавица и умница, — говорила Анна. — Но только слишком уж пылкая у нее натура. От Дмитрия многое взяла. Была бы парнем, как Андрей, — это бы куда ни шло. Парень всегда найдет, где свою необузданность применить. А девушкам, при нашем строгом воспитании, при установленных обычаях, трудно приходится, если у них горячая кровь. Вижу, что Маруся иногда мается, сама не поймет, чего ей надо. А замуж идти не хочет. Говорит, что не встретила покуда своего суженого. Я уж не знаю, чем ее и занять. Были бы времена поспокойней, отвезла бы я нашу Марийку куда-нибудь в селение, где простор. Она бы там на лошадях скакала, на лодках плавала. А в девичьем тереме ей тесно. Рукоделие она не любит, к хозяйству особого рвения не имеет. В городе ей только одно занятие по сердцу — книги читать и с учеными монахами беседовать. Ну где, скажи, для этакой девицы найдешь подходящего мужа? А принуждать ее мы не хотим. Довольно с нас Ольгиной печали. Пусть хоть Маруся все делает по велению сердца.

— А если она за иностранца захочет замуж? Неужто согласишься? — спросила Лидия.

— Соглашусь. И Дмитрия постараюсь убедить. Конечно, трудно будет ее от себя отпускать, в чужие края отдавать. Но ведь главное для нас — это Марусино счастье.

— Да, понимаю... — вздохнула Лидия. — Младшенькие, поздние дети — обычно самые любимые, самые балованные. Вот и у нас Ванюша был — последыш, ангелочек, одно загляденье. Но недолго мы на него любовались... Узнать бы только, что жив — за тридевять земель пошла бы его искать. Как ты думаешь, эта колдунья может хотя бы указать, в какую сторону надо идти?

— Ох, милая, лучше не обольщайся пустой надеждой, чтобы потом не так горько было. Не верю я всяким колдуньям.

Еще матушка Евпраксия меня учила, что колдовство — это либо обман, либо бесовские чары. Но даже если тебе правильно укажут, в какой стороне твой сын, есть ли способ его найти? Ведь он за эти годы так переменялся, что ты его все равно не узнаешь. И он уже ничего не помнит, слишком маленьким был, когда его украли.

— Но я верю, что материнское сердце подскажет! И примет есть, о которой я тебе говорила.

В этот миг на лестнице раздались чьи-то шаги и Мария быстро отступила к своей комнате. Она едва успела скрыться за дверь, как в коридоре послышались приглушенные голоса — мужской и женский. Осторожно выглянув в щелочку, Мария увидела в слабом отблеске светильника две фигуры, тесно прижавшиеся друг к другу. Она сразу же догадалась, что это Андрей ведет в свою опочивальню молодую вдовушку Глафиру, веселую бабенку с красивым сдобным телом. Глафира была хорошей рукодельницей, и Анна иногда нанимала ее для швейных работ. Из обрывков разговоров и намеков Мария знала, что Глафира славится своей опытностью и страстью в любовных делах. Пару раз девушка видела ее поздно вечером в саду под кустами с молодым ключником. Потом однажды ранним утром заметила, как Глафира тайком пробирается из комнаты Андрея, и поняла, что брат избрал соблазнительную красотку для любовных упражнений. Мария сначала хотела рассказать об этом матери, но потом передумала. Некое чутье подсказывало ей, что брат неволен в своих поступках, ибо его толкает к плотским утехам властный зов самой природы.

Когда любовники скрылись в комнате Андрея, Маша вдруг испытала прилив острого любопытства и сделала то, за что сама себя корила и осуждала: на цыпочках подошла к двери братниной комнаты и прислушалась. Уже через минуту до ее слуха долетели стоны и вздохи. Мария вспомнила те несколько мгновений, когда видела Глафиру под кустом в объятиях ключника. Сейчас там, за закрытой дверью, происходит нечто

подобное. Неужели это и есть безумное таинство любви? Но ведь должно же быть что-то еще, что-то высокое и прекрасное, как небо?..

Мария побоялась долго стоять в коридоре, где ее мог кто-нибудь увидеть и уличить в постыдном любопытстве. Вернувшись в свою комнату, она вспомнила, что так и не выпила молока с медом. Теперь ей точно не заснуть до утра, хотя так хочется погрузиться в тот обольстительный сон, который уже посетил ее однажды... Мысленно девушка призывала незнакомца из ночных грез снова прийти к ней и открыть истинную душу любви. Но сон не повторился, и она маялась до утра, то вскакивая, то погружаясь в смутную дремоту.

В минуты бодрствования, вспомнив слова матери о том, что не следует принуждать младшую дочь к замужеству, чтобы не повторить печальную историю старшей, Мария вдруг задумалась об Ольге.

Лет шесть тому назад старшая сестра еще не выглядела печальной и потухшей; в глазах ее горел огонек радостной надежды. Она любила купеческого сына Николу — удалого, бесшабашного парня, ходившего в Крым и Новгород и обещавшего Ольге хорошую, веселую жизнь. На киевском престоле в то время сидел Всеволод Ольгович Черниговский, который прогнал законного князя Вячеслава Владимировича, сына Мономаха, правившего после смерти своих братьев Мстислава и Ярополка. Всеволод дружил с половецкими ханами и ссорил между собой Мономаховичей. Как истинный сын Олега Гориславича и племянник Романа Красного, он был отъявленным бабником, имевшим немало наложниц. Однажды, в несчастливую для Ольги минуту, она попала на глаза князю Всеволоду. Узнав, что отец девушки — влиятельный и богатый человек, Всеволод не стал добиваться ее открыто, а подговорил своих тиунов Ратшу и Тудора выкрасть Ольгу и тайно увезти ее в Вышгород, в имение Тудора, где бы князь мог без помех с нею позабавиться, а после отправить куда-нибудь в отдаленный монастырь. И все

бы, возможно, так и случилось, если бы поблизости не оказался Никола, спешивший к Ольге на свидание. Он отбил девушку у холопов тиуна, но сам погиб от коварного удара в спину. Злодейством княжеских тиунов был возмущен весь Киев. Дмитрий и отец Николы пошли к великому князю, потребовали суда. Но Всеволод заявил, что его тиуны ни при чем, а холопов нанял какой-то иноземец, продающий красивых девушек в мусульманские гаремы. Более того, разгневанный открытыми и дерзкими обвинениями, Всеволод приказал взять купцов под стражу. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не вмешался тысяцкий Улеб, который пользовался большим доверием Всеволода. Улеб, его племянник Фотий, а также влиятельный боярин Иван Войтишич, завоеватель дунайских городов, убедили великого князя, что нельзя притеснять таких известных и любимых киевлянами людей, как Дмитрий Клинец. Купцы были отпущены на свободу, но через какое-то время за городом на них напали неизвестные, одетые половцами. Дмитрий отбил, а отец Николы, менее привычный к ратным делам, погиб. Тогда стало понятно, что жизнь под властью Ольговичей становится опасна для семьи Клинца. Тысяцкий Улеб предложил Дмитрию свою помощь и объяснил, что сам является тайным сторонником Мономаховичей, а у Всеволода на службе состоит лишь для отвода глаз. Дмитрий с сыновьями и Улеб с племянником, тайно собравшись в одном доме, поклялись, что при первой же возможности сделают все, чтобы поспособствовать приходу к власти Изяслава — наиболее достойного из потомков Мономаха. Эту тайную клятву было решено скрепить брачным союзом Фотия и Ольги. Старшая дочь Клинца хотела после гибели жениха уйти в монастырь, но вместо этого по настоянию родных стала мужней женой.

Когда пришло время, Улеб выполнил данную клятву: помог Изяславу занять киевский престол, отстранив от власти Игоря Ольговича — брата и преемника Всеволода. Игорь, не пожелавший снизойти до жалоб простого люда и наказать

алчных тиунов Ратшу и Тудора, вызвал всеобщую ненависть. Киевляне, переяславцы и Черные Клобуки поддержали внука Мономахова со словами: «Иди, князь добрый! Мы все за тебя; не хотим Ольговичей. Где увидим твою знамена, там и будем».

Приходу нового князя радовалась вся семья Клинцов, но особенно пылкий Андрей. Если до этого юноша еще колебался в выборе своего жизненного пути, то с появлением на киевском престоле Изяслава окончательно решил, что пойдет служить в княжескую дружину.

А Ольга жила семейной жизнью с нелюбимым Фотием, и с виду все было у них спокойно, чинно. Но Мария никогда больше не видела в глазах у сестры огонька радостной надежды.

Мысли об Ольге, о любовных похождениях Андрея, о царьградских щеголях и незнакомце из дурманящего сна постепенно смешались у Марии в голове, и вскоре она окунулась в тяжкую дремоту без сновидений.

На следующий день Калистрат и Лидия с самого утра отравились на поиски колдуньи. Вернулись они лишь вечером, и одного взгляда на их мрачные лица было достаточно, чтобы понять, как разочаровала их встреча с таинственной старухой. Правда, колдунья не ушла от них сразу же, как от родителей Рагуйла, а заговорила, взяла предложенную гривну и даже сообщила, что зовут ее Чанди, что родом она из далекой южной страны. Но, когда взволнованная Лидия стала спрашивать ее о пропавшем сыне, старуха как-то очень странно поглядела на Лидию и Калистрата и, отвернувшись, нехотя проговорила: «Зачем гадать понапрасну? Зачем давать надежду пустую, если тайной покрыта его судьба?» И после этих слов, ничего более не добавив, гадалка быстро шмыгнула в лесные заросли. Рассерженный таким неясным ответом Калистрат кинулся было вслед за ней, но тут же покачнулся и упал на ровном месте. Лидия тоже застыла как вкопанная. Через минуту они пришли в себя и поняли, что старуха их заколдовала, чтобы они дали ей время скрыться.

Содержание

<i>Глава первая</i>	
Девушка под присмотром	5
<i>Глава вторая</i>	
Гости из Новгорода	17
<i>Глава третья</i>	
Предложение Зоила и предсказание ворожей	34
<i>Глава четвертая</i>	
Встреча у порогов	53
<i>Глава пятая</i>	
Водоворот событий	69
<i>Глава шестая</i>	
Опасные спутники	85
<i>Глава седьмая</i>	
Спаситель	106
<i>Глава восьмая</i>	
Наука любви	120
<i>Глава девятая</i>	
Пробуждение	134
<i>Глава десятая</i>	
Помощь королевы	154

<i>Глава одиннадцатая</i>	
Возвращение	169
<i>Глава двенадцатая</i>	
Вымученное признание	183
<i>Глава тринадцатая</i>	
Сомнения	208
<i>Глава четырнадцатая</i>	
Новые знакомства	221
<i>Глава пятнадцатая</i>	
Вести из прошлого	237
<i>Глава шестнадцатая</i>	
Нежданно-негаданно	257
<i>Глава семнадцатая</i>	
Встреча в лесу	275
<i>Глава восемнадцатая</i>	
Обретенное имя	295
<i>Глава девятнадцатая</i>	
Родительское благословение	310
<i>Глава двадцатая</i>	
Новгородская братчина	324

Літературно-художнє видання

Серія «Кохання крізь століття»

ДЕВИЛЬ Александра

Наречений Марії

(російською мовою)

Роман

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*

Редактор *І. В. Набока*

Художній редактор *В. О. Трубчанинов*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Коректор *А. В. Колеснікова*

Підписано до друку 13.02.2019. Формат 84x108/32.

Друк офсетний. Гарнітура «Literaturnaya». Ум. друк. арк. 17,64.

Наклад 8000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.

Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.

www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Любовь сквозь века»

ДЕВИЛЬ Александра

Суженый Марии

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*

Редактор *И. В. Набока*

Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректор *А. В. Колесникова*

Подписано в печать 13.02.2019. Формат 84x108/32.

Печать офсетная. Гарнитура «Literaturnaya». Усл. печ. л. 17,64.

Тираж 8000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.

Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.

www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Юна Марія, дочка Дмитра Клинца й Анни Раменської, викрадена з рідного дому, з Русі, яку роздирають князівські усобиці. Але і в інших краях немає миру. Через Візантію рухаються на схід загони лицарів-хрестоносців. Один із цих лицарів рятує Марію від ненависних їй викрадачів. Він такий схожий на героя її снів, тож вона не змогла чинити опір і в перший день знайомства стала його коханкою.

Але лицар зовсім не збирається брати шлюб з молодою слов'янкою. Що це — примха бездушного спокусника чи тягар колишніх помилок?..

Девиль А.

Д26 Суженый Марии : роман / Александра Девиль. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 336 с. — (Серия «Любовь сквозь века», ISBN 978-617-12-5600-2)

ISBN 978-617-12-5428-2

Юная Мария, дочь Дмитрия Клинца и Анны Раменской, обманом увезена из родного дома, из Руси, раздираемой княжескими междоусобицами. Но и в других краях нет мира. Через Византию движутся на восток отряды рыцарей-крестоносцев. Один из этих рыцарей спасает Марию от ненавистных ей похитителей. Он так похож на героя ее снов, что она не смогла противиться и в первый же день знакомства стала его возлюбленной.

Но рыцарь вовсе не намерен связывать себя с юной славянкой узами брака. Что это — прихоть бездушного соблазнителя или груз прошлых ошибок?..

УДК 821.161.1(477)